

Шэнь Хуайцзюнь был прикован к постели несколько дней подряд. Когда ему захотелось наконец выйти наружу и подышать свежим воздухом, юноша проявил небывалую настойчивость, заставив его остаться в кровати — беречь силы и строго по часам пить горячую воду. В эти дни над их скромным пристанищем непрестанно проносились духовные питомцы и небесные ладьи. В небе стоял неумолчный гул, и дыхание всеобщего оживления долетало даже до этого глухого уголка.

В тот день, выбравшись наконец на порог, Шэнь Хуайцзюнь увидел Яньхана. Сидя перед дверью, юноша ловко обтёсывал ножом бамбуковые планки, превращая их в остроконечные стрелы, и покрывал наконечники угольно-чёрной тушью. Сталь лезвия блестела холодным гляncем.

Опершись о дверной косяк, Шэнь Хуайцзюнь с легкой улыбкой наблюдал за его сосредоточенным видом:

— Собрался охотиться на кроликов? Или бить рыбу?

— Ни то ни другое, — не поднимая глаз, буркнул Мо Яньхань.

Шэнь Хуайцзюнь удивлённо склонил голову.

Он не стал собирать волосы, и те тёмной сенью рассыпались по плечам. Когда он чуть повернул голову, одна из прядей соскользнула вперёд, источая тонкий, свежий аромат бамбука.

Мо Яньхана внезапно обожгла мысль.

«Этот человек весь пропитался бамбуковым духом. И днём, и ночью он не расстается с плащом из вороньих перьев... Если он когда-нибудь вернёт его, неужто вся ткань пропитается этим запахом?»

Рука юноши дёрнулась, лезвие соскочило, оставив на гладком стержне уродливую зазубрину. Он поспешно опустил голову, мотнув ею, точно пытаясь выгнать дурные думы.

Но мочки ушей почему-то вспыхнули густым румянцем.

Шэнь Хуайцзюнь не заметил смущения юноши. Стрелы выглядели любопытно, и он, не долго думая, опустился рядом с ним прямо на землю.

— Зачем же мазать наконечники тушью? — переспросил он с мягким нажимом. — Ну же, просвети меня.

В его голосе проскользнула кроткая просьба. Из-за недавней болезни тон казался слабым, а сам он выглядел до того хрупким, что невольно вызывал жалость. К тому же он подсел слишком близко, и бамбуковый аромат обожгал мочки ушей юноши.

Мо Яньхань сжал губы и, не поднимая головы, пробормотал:

— Вчера попался крепкий доспех. Пробить не удалось. Вот и пробую сделать новое оружие.

Шэнь Хуайцзюнь понимающе кивнул. Хотя этот бамбуковый гай казался тихим уголком, дикие звери забредали сюда нередко. Видимо, мальчишке надоело ловить кроликов да карпов, вот он и решил замахнуться на добычу покрупнее.

Не скупясь на советы, Бессмертный господин произнёс:

— Если спуститься к подножию горы, купить талисман Грома да наклеить его на древко, скорость стрелы возрастёт раз в пять. Сразить зверя станет куда проще.

— А если прикрепить талисман Огня?

— Тогда, само собой, убойная сила станет ещё выше.

Мо Яньхань внезапно прозрел.

«Если добавить огненный талисман, то когда эти отец и сын из рода Юй рухнут замертво, их тела сразу же испепелятся! Никаких слезливых стенаний родичей, никаких гробов и белых поминальных денег на десять ли вокруг — забирай урночку с прахом и ступай домой. До чего же удобно!»

Такой гениальный ход не пришёл бы в голову ни одному смертному. Лишь он, Владыка призраков, способен додуматься до подобного!

Довольный своими мыслями, юноша повертел стрелу в пальцах, проверяя баланс, и остался крайне удовлетворен результатами.

— Шэнь Хуайцзюнь, ты точно не пойдёшь на Торжественное собрание Цинсяо? — поворачиваясь к нему, спросил Мо Яньхань. — Я собираюсь разыскать там семейку Юй и вернуть тебе растоптанное достоинство.

Шэнь Хуайцзюнь тихо, сдержанно рассмеялся:

— Я хоть и не собираюсь туда, но за заботу всё равно благодарю.

Впервые в жизни кто-то порывался вступить за него и вернуть честное имя.

Впрочем, Шэнь Хуайцзюнь прекрасно понимал: Цинсяо охраняется строго, и простому мальчишке ни за что не проникнуть на Торжественное собрание. Скорее всего, Яньхань взболтнул это по утренней горячности, а завтра и вовсе забудет.

Встав, он неторопливо пошёл к выходу из двора, надеясь полюбоваться окрестностями. Плетёные из ивовых прутьев воротца выходили прямо к бескрайней бамбуковой роще, вид которой неизменно приносил умиротворение.

Вдруг его взгляд зацепился за что-то на земле. В траве валялся крошечный черепок из чёрного фарфора.

Шэнь Хуайцзюнь нахмурился. Почуввав недоброе, он подошёл ближе и поднял предмет. Это оказалась маленькая чёрная фарфоровая кукла с отчётливыми чертами лица — изящная и угольно-тёмная. Он провёл пальцами по гладкой керамике, и выражение его лица становилось всё более мрачным.

Заметив, что Шэнь Хуайцзюнь застыл у ворот, Мо Яньхань любопытствующе высунул голову из-за угла:

— Что там у тебя? Что ты нашел?

— Пустяки... — ровным голосом отозвался Шэнь Хуайцзюнь.

Пальцы сжались, и чёрная фарфоровая кукла с тихим хрустом рассыпалась в порошок.

Его взгляд, всегда мягкий и спокойный, внезапно налился ледяной жестокостью, точно шелестящие листья бамбука в миг превратились в стальные лезвия. Быстро окинув взором окрестные дебри, Шэнь Хуайцзюнь повернулся к юноше и ласково улыбнулся:

— Ты ведь хотел отправиться в орден Цинсяо? Что ж, я провожу тебя.

«И как я мог забыть?» — укорил он себя.

За долгие века культивации, за бесконечную череду дней он почти вытравил из памяти, что в глубинах Царства призраков затаилась лютая тварь. Забыл, что этот злобный дух от природы кровожаден: едва явившись на свет, он уже жаждал пожирать людские сердца. Вырвавшись из заточения, дух, без сомнения, вспылал мстью и теперь отслеживает его в мире смертных.

Сам Шэнь Хуайцзюнь давным-давно не дорожил жизнью, но этот юноша... Он проявил доброту, спас его, а теперь рисковал привлечь к себе взор Владыки призраков. Поразмыслив,

Бессмертный господин решил, что единственным местом, где эта тварь побоится нападать, остаётся орден Цинсяо.

Мо Яньхань удивлённо изогнул бровь:

— С чего это ты вдруг передумал? Рассудок вернулся?

— Верно, — Шэнь Хуайцзюнь подошёл вплотную. — Ты вознамерился вернуть моё достоинство, и я решил, что отвергать столь искренний порыв было бы неблагодарно.

Он положил ладонь на голову юноши и слегка взъерошил его короткие волосы. Мягкие, шелковистые пряди приятно пружинили под пальцами.

Мо Яньхань, точь-в-точь дикий котёнок, широко распахнул угольно-чёрные глаза и поспешно отпрянул:

— Ладно-ладно, только без рук! Распускать клешни без разрешения — совсем никуда не годится, никакого приличия!

У подножия гор раскинулся город Цину. Если устремить взор поверх его крыш, на высокой вершине можно разглядеть величавые чертоги ордена Цинсяо. Земли на границе между владениями людей и демонов никогда не отличались спокойствием, и лишь благодаря покровительству Цинсяо здесь процветал полный мира и порядка оплот.

Чтобы подняться в обитель, путникам предстояло пройти сквозь городские улицы. После недавней ласки юноша всю дорогу шёл с преувеличенно строгим видом, изо всех сил соблюдая «приличия». Впрочем, его глаза то и дело бегали по сторонам, и с жадным любопытством разглядывали лотки уличных торговцев.

Желая укрыться от назойливых взоров, Шэнь Хуайцзюнь надел бамбуковую шляпу-вэймао с ниспадающей белой вуалью. Однако даже под тканью его выправка выказывала в нём спустившегося с небес небожителя, а тонкие пальцы, мелькавшие из широких рукавов, казались выточенными из прозрачного нефрита. Едва они переступили городские ворота, как прохожие стали сворачивать шеи.

Шэнь Хуайцзюнь опустил ладонь на плечо спутника и, настороженно оглядев улицу, прижал юношу к себе, заслонив его рукой — жестом защиты и предостережения.

— Ты чего? — нехотя буркнул тот.

— Ничего, — ровным тоном ответил Бессмертный господин и подвёл его к лавке портного. — У тебя нет сменного платья. Почему бы не прикупить пару нарядов?

В конце концов, их пребывание в обители могло затянуться.

Глаза Мо Яньхана вспыхнули. С тех пор как он явился в мир смертных, он успел побывать в книжных лавках и объесться на ночных ярмарках, но вот покупать одежду ему ещё не приходилось! Он без промедления устремился внутрь.

Хозяин лавки расплылся в приветственной улыбке. Шэнь Хуайцзюнь указал на юношу, давая понять, что тот сам сделает выбор, а сам присел за чайный столик у входа.

Его не покидало недоумение. На чёрной фарфоровой кукле явно отпечаталась аура Владыки призраков — сомнений нет, это его рук дело. Однако когда они покидали бамбуковую рощу, кругом царило полное спокойствие, да и сейчас ни малейшего следа присутствия чудовища не ощущалось.

«У этого Владыки призраков совсем ума нет? Неужто не понял, что мы направляемся в Цинсяо? Или перепугался до такой степени, что дал дёру?»

«Ничего не попишешь. Видимо, от природы скудоумен».

Лавочник как раз поднёс свежий чай. Шэнь Хуайцзюнь сделал мелкий глоток, когда со стороны примерочной донёсся голос Яньхана:

— Бессмертный господин, взгляни! Ну как, хорош?

Шэнь Хуайцзюнь небрежно повернулся на голос... и замер. Чай пошёл не в то горло, и он, вцепившись в край стола, согнулся в приступе надрывного кашля.

— Да что с тобой такое? — удивился Мо Яньхань. — Выходили из дому — был здоров как бык!

На юноше красовался широчайший чёрно-белый халат. Когда полы спереди сходились, узор складывался в огромный иероглиф «УБИТЬ». Стоило ему повернуться спиной — и взору открывался крупный, выведенный широкими мазками туши иероглиф «ГИБЕЛЬ». Каждое его движение дышало свирепым величием, а когда он заложил руки за спину и задрал подбородок, то стал вылитым владыкой мира.

— Отличный наряд! Мне безумно идёт, — гордо заявил Мо Яньхань, сияя от самодовольства.

Лавочник восторженно поднял большой палец:

— Сие деяние — сокровище нашей лавки! Увы, долгое время никто не мог оценить его по достоинству. А у молодого господина, видать, изысканный вкус — с первого взгляда признал шедевр!

Шэнь Хуайцзюнь бессильно прижал ладонь к лбу. С самого утра тупая боль норовила расколоть ему затылок, а при взгляде на это попугайское чудовище, голова и вовсе затрещала по швам.

Упрямца уговорами не переубедить — это Бессмертный господин успел усвоить. Поэтому он просто подошёл к стойке, выбрал сдержанный зелёно-белый халат и протянул его юноше:

— Переоденься. Если не наденешь это, мы никуда не пойдём.

Мо Яньхань мгновенно скривился от обиды:

— Как ты можешь нарушать слово?! Заставлять меня надевать эту дрянь?!

Шэнь Хуайцзюнь, точно дразня кота, слегка помахал одеянием перед его носом:

— Пойдёшь? Или остаёшься?

В итоге могущественный Владыка призраков, при одном имени которого трепетала вся поднебесная, поддался на наглый шантаж. Ему пришлось отказаться от величественного наряда, достойного повелителя тьмы, и облачиться в заурядный зелёный халат. Повесив нос, он угрюмо плёлся след в след за Шэнь Хуайцзюнем.

— Шэнь Хуайцзюнь, — с затаённой злобой процедил Мо Яньхань ему в затылок. — На всём белом свете ты единственный, кто смеет мне указывать!

Расплатившись с продавцом, Шэнь Хуайцзюнь повернулся и с милой улыбкой похлопал его по плечу:

— Для меня это великая честь, дитя.

Горная тропа, ведущая к обители Цинсяо, кишела людом. Влиятельные кланы и именитые заклинатели прибывали на резных духовных ладьях, предъявляя именные приглашения — их с почестями встречали старшие ученики. Мелким же сектам и бродячим даосам приходилось толкаться на подступах к воротам, дабы выстоять очередь на регистрацию. Если повезёт, им перепадёт местечко в дальних рядах, откуда можно послушать проповеди и диспуты Великих патриархов.

Зной стоял невыносимый. Стражники у ворот Цинсяо от жары и суеты давно потеряли остатки терпения. Их оклики звучали всё грубее, воздух буквально накалился от всеобщего

раздражения — казалось, брось искру, и вспыхнет бунт.

Какой-то заскучавший бессмертный попытался завести разговор с Шэнь Хуайцзюнем, но тот даже не повернул головы. Он безучастно взирал на творящуюся суматоху.

Наконец черёд дошёл и до них. Прежде чем ученик-стражник успел открыть рот, Шэнь Хуайцзюнь произнёс:

— Отчего же вы отступили от завета предков и проводите собрание на вершине, а не у подножия горы?

Голос его прозвучал прохладно и чисто, словно предрассветный ветерок в бамбуковой чаще. Почувствовав непререкаемую духовную силу, стражник против воли отчеканил:

— Всё устроено по воле Бессмертного господина Бай Шэна... Постой! Ты ещё кто такой?! Кто разрешал тебе задавать вопросы?!

Ученик со звоном обнажил меч, преграждая им путь, и рявкнул:

— Видал я таких хитрецов! Надеялся проскользнуть в арку под шумок?! Назови имя и свой орден!

Незнакомец ничего не ответил. Из-под ниспадающей вуали шляпы-вэймао показалась рука — пальцы безупречные, словно выточенные из белого нефрита, а на тонком запястье алела шёлковая нить, подчёркивая слепящую белизну кожи.

Длинные пальцы изящно приподняли белую ткань. На мгновение открылся лишь край прекрасного лица; холодно-строгий взгляд скользнул по стражнику, и вуаль тут же опустилась обратно.

— Ты-ты-ты-ты!.. — заикаясь, стражник побледнел как полотно и с грохотом шлёпнулся на землю, задрожав всем телом, точно подкошенный.

Шэнь Хуайцзюнь отвернулся, взял юношу за руку и уверенно шагнул через порог ворот, поднимаясь по каменным ступеням всё выше и выше.

В то же самое время в одной из лавок портного в городе Цину у стойки стоял заклинатель в пурпурно-золотом даосском одеянии. Постукивая пальцами по деревянной столешнице, он произнёс ледяным тоном:

— Долгих речей не люблю. Только что сюда заходил один Бессмертный господин. Выкладывай всё, что о нём знаешь.

Продавец, не смея перечить могущественному господину, выложил всё как на духу:

— Был тут господин в белоснежном платье и шляпе-вэймао! Покупал наряд для юноши лет восемнадцати-девятнадцати.

Гао Линъяо опасно прищурился:

— Для юноши? И кем они друг другу приходятся?

Лавочник припомнил недавнюю сцену и неуверенно предположил:

— Парень слушается его беспрекословно... Может, младший брат господина? Или... его ученик?

<http://bllate.org/book/20545/2112220>